

В.Л. Бенин

СТАНДАРТЫ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИФИКИ АКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Прежде чем приступить к изложению заявленного в названии статьи материала, автору хотелось бы сделать некоторые предварительные пояснения. На первый взгляд, связь школьных образовательных стандартов с проблематикой актуальной культуры выглядит несколько искусственной. У читателя, знающего закулисные стороны отечественной научной жизни, вполне может появиться мысль, что образовательные программы «притянуты» автором к его теме. Между тем это не так.

Нам уже приходилось вести речь о том, что долгое время отечественная педагогика существовала в отрыве от теории культуры, а культурология оставляла вне своего поля зрения проблематику обучения и воспитания (1, с. 5). Нельзя не видеть абсурдности подобного положения, ибо (за рамками узкого дидактического подхода) воспитание есть не что иное, как овладение культурой. Приходилось нам писать и о том, к каким печальным педагогическим последствиям приводит недооценка культурно-исторических факторов (2, с. 45-46). Следовательно, на уровне теоретико-методологического анализа приращение педагогического знания может быть получено за счет использования культурологического подхода. Иными словами, предлагаемый материал написан с позиций *педагогической культурологии*.

* * *

Мир культуры безграничен. Это выражение не образное, оно, если хотите, количественное. Ежегодно в культурный оборот вводятся тысячи новых названий книг, сотни и сотни наименований живописных, музыкальных, скульптурных произведений... А если говорить о сфере научной деятельности, то здесь приращение знания и накопление опыта (а культура и есть ассоциированный накопленный опыт человечества) в последнее время осуществляется просто фантастическими темпами. Научно-техническая революция привела к тому, что за сравнительно короткий отрезок времени человечество сделало огромный рывок вперед в овладении тайнами природы и их практическом использовании. За годы НТР объем научной информации превзошел все, что было сделано наукой за тысячелетия ее существования, и продолжает непрерывно увеличиваться (3, с. 91). Суммарный объем знаний, которыми располагает человечество, в современных условиях удваивается в среднем раз в десять лет. Если на ранних этапах развития

человечества для удвоения накопленного опыта требовались тысячелетия, затем — века, то к 2010 г., т. е. через десять лет, люди будут знать вдвое больше того, что они знают сегодня.

Первый вывод, который из этого следует, чисто педагогический: на пороге XXI в. земляне встали перед проблемой создания принципиально новой философии и вытекающей из нее методики образования. Человечеству необходимо менять сами исходные принципы обучения, ибо до второй половины XX в. оно по сути строилось на принципе «получи сумму знаний, усвой ее и этого тебе хватит на всю оставшуюся жизнь». На сегодняшний день даже «красный диплом» высшего учебного заведения не гарантирует того, что через десять — двенадцать лет профессионал не окажется безнадежно отсталым в своей сфере деятельности. Следовательно, основной упор при разработке образовательных стандартов необходимо делать не на передачу учащимся суммы конкретных знаний, умений и навыков, а на привитие им умений и навыков самостоятельного получения новых знаний.

Здесь, правда, следует оговориться. В литературе уже отмечалось, что профессиональное образование всегда выступает прежде всего как самообразование, готовность человека освоить и «присвоить» мир профессии, сделать его своим индивидуальным достоянием (4, с. 7). Если при образовании, подчеркивал Б.Г. Матюнин, в основном осуществляется переход от незнания к знанию, то при самообразовании, наоборот, от знания — к незнанию, ибо самообразование есть систематический процесс разрушения, преодоления самодостаточности образовательного уровня (5, с. 32-34). Сегодня же такой подход становится единственно возможным и на общеобразовательном уровне.

Второй вывод, вытекающий из безграничности культуры: та огромная масса новых культурных ценностей, которая нарабатывается ежедневно и ежечасно, не отменяет значения суммы культурных ценностей, которые были выработаны человечеством ранее. Она лишь добавляется к ней. Понятно, что в рамках одной жизни освоить все это невозможно. И не потому, что, как говорил А.С. Пушкин, «мы ленивы и нелюбопытны», а в силу того, что физиологические, психологические, интеллектуальные способности человека не могут вместить такое колоссальное количество информации. Поэтому культуру всегда осваивают и з б и р а т е л ь н о, огромное количество ее ценностей на уровне реального человека остается невостребованным; и эта невостребованность имеет объективный характер.

Поэтому любой исторический тип культуры в своей конкретности включает в себя как бы две составляющих, два пласта, два

компонента. Это так называемая актуальная культура и культура отложенная, или культурная память. Оба названных понятия обладают высокой степенью научной новизны, и если по первому из них еще можно назвать несколько публикаций (6), то второе практически не разработано.

Культурная память представляет собой те знания, умения и навыки, которыми мы располагаем, но не пользуемся, потому что обладаем более современными и удобными формами и методами решения аналогичных задач. Она не участвует непосредственно в воспроизводстве общественной жизни. Это как бы отложенные, но не стертые прогрессом старые знания и умения, лежащие в основе современного уровня развития и при необходимости извлекаемые из забвения.

Актуальной культурой называется та ее часть, которая непосредственно функционирует в данном обществе в данное время и наиболее наглядно проявляется в культуре труда, культуре быта и культуре поведения. Так, в извлечении огня элементом актуальной культуры для нас сегодня являются спички. Элементом культурной памяти, применительно к тому же самому, будет получение огня при помощи трения. Мы знаем о том, что огонь можно добыть трением, но не пользуемся этим методом по той причине, что у нас есть более удобные, более комфортные, более современные методы решения данной задачи. Однако при необходимости мы способны вспомнить древний способ и извлечь огонь трением, «как в старые добрые времена».

Обратим внимание на эту фразу — «старые добрые времена» — ибо она несет в себе очень важный и малоисследованный аспект культуры — ее консервативный аспект. Само это понятие рядом с понятием «культура» на первый взгляд кажется несуразным: разве можно о культуре говорить, что она консервативна? Между тем, как и любое явление, культура тоже имеет оборотную сторону.

Почему с легкой руки Гесиода и Овидия идею «золотого века» люди связывали с прошлым? За счет чего так силен и живуч консерватизм? Чем объяснить, что в поворотные моменты истории многократно возрастали ряды его сторонников? Почему так часто путь в «светлое будущее» люди прокладывали через возвращение к прошлому? Память — вот слово, играющее здесь главную роль.

Помнит ли человек свое детство? Странный вопрос! Разумеется, помнит. Как можно забыть это время? И блеск реки под жарким полуденным солнцем, и самое вкусное в мире мороженое, и ту чудесную игрушку, что подарили ему в день рождения... Все помнит. Полноте, все ли? А знаменитый угол, куда ставили его родители? А гриппы, ангины, ушибы и ссадины? А двойки, наконец?

Помнит? Как ответить? В общем-то помнит... Но не это встает перед глазами, когда речь заходит о детстве. Аберрация памяти высвечивает хорошее, доброе, радостное; чтобы вспомнить плохое, нужны дополнительные усилия.

Очевидно, в этом проявляется глубинная защитная функция нашей психики, ибо только в детстве кажется, что «человек создан для счастья, как птица для полета». Чем дольше человек живет, тем грустнее ему приходится, ибо он отчетливо понимает, что счастье, как правило, исчисляется днями, если не часами, а в основном жизнь проходит довольно сложно, тяжело и совсем не так радостно, как хотелось бы. Однако если постоянно в своих воспоминаниях акцентировать внимание только на том, что было плохого, что было тяжелого и безрадостного, можно сойти с ума. И естественная защитная реакция нашей психики прежде всего высвечивает те моменты, которые добавляют нам оптимизма, а не уменьшают его.

Но память народов складывается из памяти людей. Память культур складывается из памяти народов. Величественный и гармоничный Аполлон, а не скорченный раб символизирует для нас античную Грецию. Аберрация исторической памяти в принципе мало чем отличается от наших воспоминаний.

Можно задать вопрос: при чем здесь консервативный характер культуры?

На все встающие перед ним вопросы человек ищет ответ в усвоенной им культуре. Последняя же предлагает ему не слишком богатый выбор — актуальный или накопленный опыт. Нельзя использовать то, чего не знаешь. Нельзя использовать то, чего нет. Образно говоря, потерявший спички Робинзон не мог воспользоваться газовой зажигалкой. Эта удобная вещь в его время была еще неизвестна, и единственное, что ему оставалось — это трение палочки о палочку, «как в старые добрые времена». Старые времена нам к а ж у т с я добрыми именно потому, что при воспоминании о них мы прежде всего фиксируем внимание на том, что в них было позитивного

Когда социальные катаклизмы сотрясают общество и жизнь человека становится невыносимой, а актуальная культура ни в экономике, ни в политике, ни в идеологии не дает ответа на животрепещущие вопросы, человек начинает искать ответ за ее пределами. И здесь иного, чем накопленный опыт или традиция, культура ему не дает. Люди ищут ответ в прошлом, потому что больше им искать негде. Отдельный человек — гений — способен подняться над ограниченностью культуры и увидеть решение актуальной проблемы впереди. Но, во-первых, гений встречается крайне редко. А во-вторых, и об этом еще пойдет речь, судьба гениев, как правило,

весьма плачевна. Их удел — оставаться непонятыми современниками. Масса же всегда исповедует принцип «новое — это хорошо забытое старое». И не ее в том вина — таков парадокс культуры, одна из ее объективных характеристик, в которой и заключен консервативный аспект.

Но, никого не обвиняя, описанную особенность феномена культуры нельзя и недооценивать. В противном случае любой возврат к традициям (будь то традиции национальной культуры или народной педагогики, экономического уклада или политической организации) обернется своей худшей стороной — традиционализмом. Последний же, как справедливо отмечает Г.С. Батишев, «по своей сути не способен самокритично учиться у своей традиции, что потребовало бы раскрыть и развернуть все многообразие и сложность, всю антиномичность присущего ей одновременно и положительного, и отрицательного культурно-исторического опыта былого при столь же непредубежденной готовности творчески обновляюще продлить жизнь традиции» (7, с. 110).

Актуальная культура — это прежде всего понятие временное, поскольку оно присуще каждому историческому периоду. В меньшей мере это и понятие пространственное, ибо актуальная культура, характерная сегодня для России, и актуальная культура, характеризующая сегодня Францию, как и актуальная культура современной Нигерии, в значительной степени будут различаться между собой, хотя это актуальная культура одного времени.

По своей структуре актуальная культура представляет собой довольно сложное образование, включающее пять основных компонентов. В нее входят не только новые культурные достижения, но и то лучшее, что человечество выработало за всю предшествующую историю. От культуры любой эпохи, даже давно ушедшей в историческое небытие, остается нечто, обогащающее культуры последующих времен, как арабские цифры или египетские пирамиды. Поэтому первым компонентом актуальной культуры любого общества являются общечеловеческие ценности.

Общечеловеческие ценности — это то, что сближает культуры всех стран и народов. Исторический опыт показал, что узкоклассовые, узконациональные или узкорелигиозные ценности временны, преходящи и избавляться от них приходится, как правило, довольно высокой ценой. Наглядным примером системы, в основу которой положены узкоклассовые ценности, является советский период отечественной истории. Система ценностей, основанная на узконациональных установках, отчетливо проявилась в Германии времен гитлеризма. Что такое система узкорелигиозных

ценностей сегодня, наиболее наглядно демонстрирует исламский фундаментализм.

Нередко под общечеловеческими ценностями мировой культуры понимаются только гуманитарные ценности или даже еще уже — только ценности искусства. Это неверно и глубоко ошибочно. **Культура представляет собой совокупность накопленного ассоциированным человеком социального опыта во всех сферах его жизнедеятельности**, а отнюдь не только в сфере искусства. В основе этой жизнедеятельности лежит предметно-практическое познание и преобразование мира и, следовательно, практические и естественнонаучные знания. Таким образом, научные и практические знания выступают важным составным элементом общечеловеческих ценностей. Поэтому в современных условиях незнание, допустим, строения атома или элементарных основ гигиены столь же предосудительно, как и незнание У. Шекспира или А.С. Пушкина. Более того, в составе общечеловеческих ценностей актуальной культуры элементы материальной культуры и науки доминируют.

При всем величии У. Шекспира, это все же английский автор. Он представляет собой мировое по значимости явление английской национальной драматургии и поэзии, как П.И. Чайковский — явление прежде всего русской национальной музыкальной культуры. Но «русской национальной физики» нет и быть не может, как не может быть «башкирской национальной математики» или «голландской национальной биологии», «украинской национальной разливки стали» или «испанского национального крекинг-процесса». Таким образом, когда мы говорим об общечеловеческих ценностях культуры, здесь преобладают моменты естествознания и техники.

Что же касается духовной составляющей общечеловеческих культурных ценностей, то явления этого уровня сравнительно невелики по объему и тоже носят интернациональный характер, поскольку на многие века определили развитие тех или иных сфер духовной деятельности. Имена этого уровня — Гомер и Леонардо да Винчи, Аристотель и Гегель, Данте и Бах.

Второй пласт в структуре актуальной культуры представляет **национальная классика**. К ней относят достояния национальной культуры, которые в чужих культурах, как правило, известны лишь узко ограниченному кругу специалистов. Для примера можно сказать, что если Ф.М. Достоевский, П.И. Чайковский — это имена мирового уровня, имена, которые знает весь мир, то уже А.И. Куприн, А.П. Бородин — это русская национальная классика, которая за пределами нашего отечества известна значительно меньше. Поскольку, как уже было сказано, мир культуры человек осваивает из-

бирательно, чужая национальная классическая культура нередко остается вне поля его зрения. Этот пласт значительно шире первого и в нем центр тяжести резко смещается в сферу гуманитарную и художественную.

В культуре диалектически объединено национальное и общечеловеческое. Она всегда национальна. Из лучших достижений всех национальных культур складывается единая общечеловеческая культура. Но «общечеловеческое» не значит «без-национальное». Обогатив сокровищницу мировой культуры, М.Ю. Лермонтов и А.П. Чехов остаются именно великими русскими литераторами так же, как Гете — немецким, Марк Твен — американским, Диккенс — английским. Поэтому в рассуждениях о культуре одинаково ошибочно как стирание национального в мировой культуре, так и замыкание ее в ограниченное пространство узконационального. Попытка свести все многообразие мировой культуры к культуре только «своего» народа (что, увы, в последнее время встречается нередко), тенденция национально-культурного изоляционизма ведет к застою, отставанию от мирового культурного процесса и в итоге — к частичной деградации. В то же время, полный отказ от национально-культурных традиций открывает путь мнимому новаторству, ломающему все устои, а потому ведущему к той же деградации, хотя и иным путем.

Третий элемент в структуре актуальной культуры — это *культурные ценности*, характерные для одной *социальной группы* и не характерные для других социальных групп одного и того же общества. Рассмотрим это на самом простом и популярном примере — примере танцев. Представим себе два места, где собираются люди для того, чтобы провести время и потанцевать. Но одно место называется дискотекой тинэйджеров, а другое — клубом «Для тех, кому за тридцать». И в первом, и во втором случае это места, где собираются люди, чтобы провести свободное время и потанцевать. Но, разумеется, и ритмы, и движения, и стиль общения в них будут серьезно различаться между собой.

Так, в начале 60-х гг. вместе с первыми магнитофонами «Днепр» и «Яуза» в отечественную культуру вошли имена Александра Галича и Булата Окуджавы. Это было культурное достояние весьма узкого социального круга — интеллигенции (причем даже не всей интеллигенции, а только городской), и они отсутствовали в актуальной культуре других социальных групп советского общества той поры.

Четвертым элементом в структуре актуальной культуры являются *культурные ценности, не востребованные при жизни их создателей и обогатившие культуру последующих поколений*. Примеров

тому достаточно много. Буквально за последние десять — двенадцать лет в наш культурный оборот вошли многие имена, которые до этого были как бы вычеркнуты из культурного обихода — Д. Хармс, А. Платонов, К. Кеслер и др. Но можно привести и иные примеры — Рембрандт, Гоген, Ван-Гог.. Они умирали непризнанными, нередко в нищете. Потом проходит несколько десятилетий, а порой и веков, и оказывается, что это гении. И люди начинают скорбеть и удивляться: «Ах, как же мы не поняли, что это были гении?!»

Причин тому, что те или иные достижения культуры при жизни их создателей как бы вычеркиваются из культурного оборота, две. Самая простая и очевидная — это прямой запрет политического, идеологического или религиозного свойства. Так, по данной причине на десятилетия из нашей культуры были вычеркнуты, например, А. Аверченко или К. Кеслер, религиозный запрет долгое время скрывал систему Н. Коперника.

Однако в том, что касается запрета, все ясно и достаточно просто. Значительно интереснее другое — обреченная судьба гения. Гений, как правило, — человек, опередивший свое время и увидевший необходимость нового решения тогда, когда для основной массы его современников не только необходимость такого решения, но и сама постановка вопроса о его поисках были не очевидны. Поэтому гений, как правило, остается непонятым, на него смотрят как на странного человека, который, вместо того чтобы делать дело, занимается мудрствованием от лукавого. Лишь когда проходят десятилетия, а порой и века, то, что увидел гений, становится очевидно всем остальным. И начинаются стенания: «Как же современники допустили, что Ван-Гог умер в нищете? Ведь он же был гений!». Потому и умер в нищете, что был гений...

Трагедия гения состоит именно в том, что он опережает свое время на десятилетия, а порой и на века. Гений решает те вопросы, сама постановка которых для его современников не очевидна и потому искусственна. И лишь когда проходит время и то, что заблаговременно увидел гений, становится очевидно всем, тогда его признают гением. Тогда то, что он создал, обогащает культуры последующих поколений и органично входит в них, как в нашу современную культуру вошла и гелиоцентрическая система Коперника и холсты Ван-Гога.

Пятым элементом в структуре актуальной культуры выступает *современный культурный поток*. Это то новое, что ежедневно и ежечасно появляется в культуре, причем это — самый широкий пласт в любой культуре. Современный культурный поток всегда был, есть и всегда будет, пока будет существовать культура, ибо в нем рож-

дается все новое. Это тот поток, в котором на равных основах существуют и «бабочки-однодневки», которых уже завтра никто не вспомнит, и то, что в будущем обогатит национальную культуру, и то, что, возможно, когда-нибудь достигнет уровня общечеловеческих культурных ценностей.

Из единства названных пяти элементов и состоит структура актуальной культуры. Разумеется, границы между ними достаточно условны и подвижны, но это тема самостоятельного исследования.

Социализация индивида происходит за счет присвоения им актуальной культуры его времени. При этом определенные затруднения вызывает вопрос о соотношении нормативности и свободы выбора в освоении актуальной культуры. Сложность его двояка. Во-первых, как уже неоднократно отмечалось, мир культуры безграничен и человек осваивает ее избирательно. Можно ли в таком случае вообще говорить о какой бы то ни было нормативности в этой сфере? Во-вторых, кто выступает в качестве субъекта, определяющего границы и конкретное содержание нормативности в актуальной культуре? Думается, что соотношение моментов нормативности и свободы выбора в разных элементах актуальной культуры не одинаково.

Применительно к общечеловеческим ценностям доминирующим выступает момент нормативности. Это действительно та часть накопленного мирового опыта, которую должен знать каждый. Здесь, правда, следует оговориться.

Знать и любить — не одно и то же. Речь не идет о том, что каждый человек обязательно должен любить читать романы Ф.М. Достоевского или любить решать квадратные уравнения. Точно так же речь не идет и о том, что каждый человек обязательно должен знать всего Моцарта или все формы и методы оказания первой медицинской помощи при бытовых травмах. Но и меть представление о творчестве Моцарта и Достоевского, зная, как решаются квадратные уравнения и как оказывается первая помощь при ожоге, должен каждый человек, если он хочет отвечать требованиям актуальной культуры своего времени.

При этом, правда, не следует путать знания в рамках актуальной культуры личности и знания в рамках профессиональной подготовленности специалиста. Разумеется, уровень информированности филолога и физика о теории относительности будет различным, как различны их уровни информированности в шекспироведении. Иными словами, когда мы говорим об общечеловеческих ценностях, это не значит, что все люди должны обладать ими в одинаковом объеме. Но достаточно адекватное представление об этой группе ценностей необходимо иметь каждому

человеку для того, чтобы он мог достаточно адекватно чувствовать себя в современной ему актуальной культуре.

Национальные культурные ценности нормативны для людей, принадлежащих к данной национальной культуре. За границами этнической общности нормативность знания ее культурных ценностей уступает место избирательности. И момент нормативности применительно к национальной классике родного этноса становится моментом избирательным, когда речь идет о национальной классике чужого этноса.

Правда, и здесь следует оговориться. На сегодняшний день моноэтнических стран в мире практически не осталось. Но если во Франции все же доминирует французская национальная культура, а в Норвегии — норвежская, то в таких странах, как Канада, США, Россия (в особенности отдельные ее регионы), где веками проходил мощный процесс межэтнического взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения культур, понятие «национальная классика» уже утрачивает свою «химически чистую» национальную специфику. Поэтому такие понятия, как «культура Канады», «культура Удмуртии», «культура Америки», «культура Башкортостана» и т.п. не являются чисто этническими. Это результат синтеза культур тех народов, которые проживали на данной территории, взаимодействовали между собой, вели культурный обмен, в результате которого появилось то, что называется культурой региона. И вклад в культуру данного региона внесли все народы, проживавшие на его территории.

Говоря еще более конкретно, национальная классика Башкортостана (не башкирского народа, а Башкортостана) будет в равной мере включать творческое наследие и С.Т. Аксакова, и Файзи Гаскарова, и Мустая Карима, хотя по национальности первый — русский, второй — татарин и только третий башкир.

Когда мы говорим о третьем элементе актуальной культуры — о культурных ценностях, характерных для одной социальной группы и не характерных для других социальных групп одного и того же общества, то здесь момент нормативности присутствует лишь по отношению к членам данной социальной группы, что ярко отражено в знаменитой поговорке про чужой монастырь и свой устав. Для того чтобы человек был принят в конкретной социальной группе, он должен нормативно выполнять те социокультурные нормы, которые в данной группе приняты, будь то малиновые пиджаки «новых русских» или «петушиные гребешки» панков. Вне границ данной социальной группы момент нормативности уходит, уступая место полной свободе выбора.

Наконец, в том, что касается современного культурного потока, полностью превалирует свобода выбора, ибо в этой части актуальной культуры нет определенных жестких критериев.

Можно заметить, что в структуре актуальной культуры мы забыли еще одну группу — культурные ценности, не оцененные при жизни их создателей и обогатившие культуры последующих поколений. Но дело в том, что, будучи востребованными последующими поколениями, они входят в актуальную культуру минимум на уровне национальной классики или даже как явление общечеловеческое по своей значимости, а потому представляют собой частный случай первых двух элементов.

Есть ли некая модель актуальной культуры, освоив которую, человек мог бы сказать, что он в принципе интериоризовал культуру своего времени? Такая модель есть. Разумеется, как и любая модель, она проще и примитивнее реального явления. Актуальная культура всегда богаче и разностороннее своей модели. Но такая модель есть. **Моделью актуальной культуры являются образовательные стандарты и отражающие их программы общеобразовательной средней школы.** Основная задача общеобразовательной средней школы как раз и состоит в том, чтобы приобщить очередное подрастающее поколение к актуальной культуре того общества, в которое этому поколению предстоит вступить.

К сожалению, образовательные стандарты и ориентированные на них программы отечественной школы как в недавнем прошлом, так и ныне не являются моделью актуальной культуры того общества, в котором мы живем. Во-первых, в них практически полностью отсутствуют два компонента из тех пяти, о которых говорилось выше — современный культурный поток и культура социальной группы. Причем (что наиболее трагично) это культура той самой социальной группы, которая сидит за партами — молодежи и юношества. К слову сказать, молодежные программы электронных средств массовой информации, наоборот, ограничиваются исключительно культурой данной социальной группы, что в сознании учащихся приводит не к дополнению, а к противопоставлению элементов актуальной культуры, получаемых по школьным каналам, и молодежной субкультуры, получаемой по каналам СМИ.

Во-вторых. В области естествознания отечественные школьные программы останавливаются на рубеже XIX и XX вв. Практически самое «свежее» крупное научное открытие, которое серьезно рассматривается в рамках школьной программы, это таблица Д.И. Менделеева. Все то, что произошло в естествознании XX в. и кардинально изменило картину мира в представлении современного человека (теория относительности, квантовая механика,

ядерная физика, химия полимеров, кибернетика, молекулярная биология), в курсе естествознания средней школы фактически не рассматривается.

Наконец, и в сфере гуманитарного знания целый ряд областей, которые весьма важными составляющими входят в структуру актуальной культуры, в нашей средней школе отсутствуют. В ней не преподаются логика (хотя до середины 1950-х годов она преподавалась), история естествознания и техники, элементарные историко-философские, историко-религиозные, этические и эстетические знания, основы психологии и истории мировой культуры. Робкие попытки ввести некоторые из этих предметов в расписание факультативных занятий отдельных «образцово-показательных» школ и гимназий не меняют картины, ибо осуществляются бессистемно, без должного теоретического и методического обеспечения и, как правило, являются данью моде. Узкая специализация новых лицеев и колледжей лишь усугубляет положение.

Думается, что подобное положение негативно влияет не только на общий культурный уровень российского общества, но и на весь механизм трансляции социального опыта. Преодолеть сложившуюся ситуацию в рамках «отдельно взятой» школы невозможно. Это большая, сложная, но необходимая работа, которая является органичной частью вялотекущей, но все же проводимой в стране школьной реформы. Без ее выполнения реформирование российской школы вряд ли можно будет считать завершенным.

Литература

1. *Бенин В.Л.* Педагогическая культура: Исходные принципы изучения и формирования // Педагогическая культура и ее формирование при подготовке учителя: Сб. науч. тр. Вып.3. Уфа, 1998.
2. *Бенин В.Л.* Педагогическая культура: Философско-социологический анализ. Уфа, 1997.
3. *Фролов И.Т.* Перспективы человека. М., 1983.
4. *Зборовский Г.Е.* Социология образования: В 2 ч. Екатеринбург, 1994. Ч. 2.
5. *Матюнин Б.Г.* Нетрадиционная педагогика. Екатеринбург, 1993.
6. См.: *Бенин В.Л., Десяткина М.В.* Социальная философия. Уфа, 1977; *Коган Л.Н.* Социология культуры. Екатеринбург, 1992; *Шапко В.Т.* Актуальная культура: Проблемы исследования // Политика и культура. Екатеринбург, 1991. О соотношении актуальной культуры и культурной памяти применительно к сфере педагогической деятельности см.: *Бенин В.Л., Фатыхова Р.М.* Педагогическое общение в структуре педагогической культуры. Уфа, 1998. С.32-33.
7. *Батищев Г.С.* Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира. М., 1987.